

Vasendin, Sergej Sergejevič

Константное и меняющееся во взглядах Д. С. Мережковского на духовные искания Л. Н. Толстого

Opera Slavica. 2017, vol. 27, iss. 3, pp. 13-19

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/137391>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Константное и меняющееся во взглядах Д. С. Мережковского на духовные искания Л. Н. Толстого

The Constant and Changing Opinion in D. S. Merezhkovsky's Views on L. N. Tolstoy's Spiritual Quests

Сергей Сергеевич Васендин
(Северодвинск, Россия)

Абстракт:

Статья посвящена проблеме эволюции взглядов Д. С. Мережковского на духовное наследие Л. Н. Толстого на фоне современных исследований, посвященных этому вопросу. Автор статьи пытается показать, что Мережковский в течение времени не меняет свое убеждение в присутствии резких противоречий в воззрениях Толстого. Анализируя развитие взглядов Д. С. Мережковского на духовные поиски Л. Н. Толстого, автор утверждает, что меняется не позиция философа, а исторический контекст, в котором его позиция реализуется.

Ключевые слова:

русская литература; Л. Н. Толстой; Д. С. Мережковский; духовные искания; эволюция оценок; противоречия во взглядах

Abstract:

The article deals with the evolution of views of D. S. Merezhkovsky on the spiritual heritage of L. N. Tolstoy on the background of current research on the subject. The author shows that D. S. Merezhkovsky does not change his belief that L. N. Tolstoy's views are full of contradictions all the time. While analysing the development of D. S. Merezhkovsky's opinions about the spiritual quest of L. N. Tolstoy the author claims that Merezhkovsky's position as a philosopher does not change but that the historical context changes in which his position is expressed.

Key words:

Russian literature; L. N. Tolstoy; D. S. Merezhkovsky; spiritual quests; the evolution estimates; the contradictions in the views

Вопрос об оценках Д. С. Мережковским личности и творчества Л. Н. Толстого уже довольно давно оказался в зоне особого внимания исследователей. Ему отчасти посвящены труды, вошедшие в классическое наследие русской мысли (Н. Бердяев «О двух тайнах Мережковского» (1915); «Новое Христианство» (1916); В. Розанов «Заметка о Мережковском» (1903); П. Струве «Спор с Д. Мережковским» (1908) и др.).

В последнее время заметно обострился интерес к проблеме эволюции взглядов Д. С. Мережковского на духовное наследие великого русского писателя. Современные исследователи все чаще всматриваются в причины и природу динамики оценок Д.С. Мережковского.

А. Холиков в статьях «Д. С. Мережковский и В. Я. Брюсов (в спорах о Л. Н. Толстом)» (2007)¹, «Мало ли что из подлости можно сделать» Об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого» (2009)², причиной эволюции взглядов Мережковского на учение Толстого, меняющейся тональности его оценок, видит прежде всего в его политической конъюнктурности, открыто обвиняя в «несоответствии его поступков высоким идеалам».³ Несколько иначе причины этой эволюции представляются Е. Андриющенко («Тайновидение Мережковского» (2000)⁴), по мнению которой они определяются личными встречами и беседами Толстого с Д. С. Мережковским, все более обстоятельным погружением последнего в творческое наследие писателя.

На наш взгляд, в своих принципиальных подходах к творчеству Толстого Д. С. Мережковский, несмотря на очевидную внешнюю подвижность его оценок, оставался верен исходным тезисам. Но при этом вынужден был постоянно их вписывать в актуальную повестку дня. А она как минимум трижды в течение его жизни менялась под влиянием важнейших исторических событий: решение Синода об отлучении Толстого от Церкви; события первой русской революции; приход большевиков к власти.

В течение двух десятилетий, Д. С. Мережковский посвятил писателю целый ряд работ: «Толстой и Достоевский» (1902); «Лев Толстой и Церковь» (1903); «Лев Толстой и революция» (1908); «Революция и религия» (1910); «Зеленая палочка» (1910); «Две России» (Было и будет. Дневник) (1910–1914); «Лев Толстой и большевизм» (1922).

1 CHOLIKOV, A. A.: *D. S. Merežkovskij i V. Ja. Brjusov (v sporach o L. N. Tolstom)*. In: *Materiály XIV Meždunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodych učenyh*, t. 3, Moskva, 2007, s. 472–473.

2 CHOLIKOV, A. A.: *Malo li čto iz podlosti možno sdelat'. Ob èvoljucii vzgljadov D. Merežkovskogo na učenje L. Tolstogo*. *Voprosy literatury*, 2009, № 3, s. 463

3 Там же.

4 ANDRUŠČENKO, Je. A.: *L. Tolstoj i Dostojevskij*. Moskva: Nauka, 2000, s. 586.

Причем, с самых первых своих публикаций о Л. Н. Толстом Д. С. Мережковский в центре внимания ставил проблему его противоречий. На первом этапе осмысления творчества и личности писателя, природа их видится ему в столкновении Толстого — «великого писателя» с «Толстым-язычником», «безбожником», который «выходит из всех условий исторического быта и культуры»⁵. Актуальность заявленной темы в контексте исторических событий понятна. В 1901 году Святейший Синод заявил об отлучении Л. Н. Толстого от Православной церкви.

Книга «Толстой и Достоевский» (1902), принадлежащая этой эпохе, — одна из самых любопытных, с точки зрения анализа противоречий Толстого. «Через Достоевского и Толстого открывает Д. С. Мережковский конец великой русской литературы, ее неизбежный переход к новому религиозному откровению и новому религиозному действию», — пишет Бердяев⁶. Д. С. Мережковский впервые, задолго до своих идейных противников⁷, противопоставил Толстого художника и мыслителя, преклоняясь перед ним в его первой ипостаси «за пристальное внимание к художественным деталям», тесно связанным «с очень глубокими и важными внутренними душевными свойствами действующих лиц»⁸, поскольку осмысление «внутреннего мира», «внутреннего человека»⁹ идет у него через раскрытие тайны плоти. Однако вторая ипостась Толстого отвергается им, разоблачаясь в своей арелигиозности, в безбожии и «сведении всех слишком опасных бесплодных вершин и глубин в одной сельскохозяйственной плоскости»¹⁰. Посвящая свою работу двум великим русским писателям (Толстой и Достоевский), Д. С. Мережковский настаивает на столкновении в них двух начал русской литературы, противоборство «Божественной, духовной правды» в творчестве Достоевского, и «человеческой», олицетворяющей земное начало в творчестве Толстого¹¹. Противоречия самого Толстого раскрываются для него в контексте этой эпохальной поляризации в русской литературе.

5 Там же, с. 13.

6 BERDJAEV, N. A.: *Novoje christianstvo*. In: Sbornik statej 1916–1917, Direkt-Media. Moskva–Berlin 2015, s. 4.

7 NIKOLAJEV, N. I., VASENDIN, S. S.: *V. I. Lenin o L. N. Tolstom (K voprosu ob èvoljucii vzgľadov i ocenok)*. In: *Sovremennaja filologija: teorija i praktika, materialy XXI meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii*. Moskva: Pero, 2015, s. 156.

8 ŽURAVLEVA, A. A.: *D. S. Merežkovskij — kritik L. N. Tolstogo*. Vestnik Čeljabinskogo gosudarstvenno-go universiteta. № 1, ser. 11, Žurnalistika, 2004, s. 67.

9 NIKOLAJEV, N. I.: *K utočneniju ponjatij «vnutrennij čelovek» i «vnutrennij mir čeloveka»*. Res philological, 2002, s. 147–150.

10 ANDRUŠČENKO, Je. A.: *L. Tolstoj i Dostojevskij*. Moskva: Nauka, 2000, s. 312, 187, 31.

11 Там же.

Д. С. Мережковский усматривает глубокий диссонанс между его сознанием и бессознательной стихией и видит из этого состояния два выхода: «или подчинить свое сознание своей стихии», «или, наоборот, свою стихию — своему сознанию», которое несет в себе «нечто плотское, животное, а следовательно, преступное, злое, бесовское, уничтожение чего есть высшее, единственное благо»¹². Весьма жесткий и безапелляционный вывод!...

Однако год спустя в работе «Л. Толстой и церковь» (1903) в своих рассуждениях Д. С. Мережковский несколько меняет расстановку смысловых акцентов. Если в работе «Толстой и Достоевский» он напрочь отказывается видеть в Л. Толстом христианские истоки, настаивая на том, что его религиозное сознание скорее буддийское, чем христианское, а в художественном творчестве он «великий язычник, в самом глубоком религиозном смысле этого слова», то в статье «Толстой и церковь» риторика несколько смягчается. Ему представляется здесь, что Л. Толстой принадлежит к христианам-язычникам, «христианам до Христа», если не как религиозный учитель, то как великий художник. «Л. Толстой, очами не видя Христа, сердцем к нему прикоснулся больше многих видящих»¹³. Много лет спустя, нечто близкое этому в своих суждениях выскажут Р. Роллан и С. Цвейг, усматривающие в портрете Толстого черты библейского Моисея¹⁴.

В этот период в своих суждениях Д. С. Мережковский все более смягчает тональность оценок Л. Н. Толстого, уже порой открыто осуждая его отлучение от Церкви: «Если вы отлучили от церкви Л. Толстого, то отлучите и нас всех, потому что мы с ним, а мы с ним потому, что верим, что с ним Христос», — пишет он, казалось бы, не соотнося своих высказываний с более ранними суждениями¹⁵. Хотя, справедливо было бы заметить, что различия в его оценках, принадлежащие разным периодам, носят не столько концептуальный, сколько эмоциональный характер. Он не согласен с актом отлучения Толстого от церкви, и пытается эмоционально объяснить это свое несогласие. Но фундаментальные его взгляды на великого русского писателя и его интеллектуальное наследие остаются неизменными: Д. С. Мережковский по-прежнему сосредоточен на глубинных противоречиях Толстого, на конфликтах в нем мыслителя и художника.

12 Там же.

13 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *V tichom omute: Stat'i i issledovanija raznych let*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991, s. 138–140.

14 NIKOLAJEV, N. I., VASENDIN, S. S.: *Četyre literaturnych portreta L. N. Tolstogo*. Fundamental'nyje issledovanija, № 12 (časť 8), 2014, s. 1808–1811.

15 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *V tichom omute: Stat'i i issledovanija raznych let*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991, s. 138–140.

Следующий этап в осмыслении Толстого определен у Д. С. Мережковского смещением политических акцентов в жизни России, обозначившим себя в контексте революционных событий 1905–1907 г. В работе со знаковым названием «Л. Толстой и революция» (1908) он, оставаясь верным своему главному тезису, заявляет, что Толстой-художник для него «в искусстве своем, более вещей пророк», нежели он сам себя позиционирует как мыслителя и философа жизни, и через свое творчество, способен донести куда больше, чем через свои «умствования»¹⁶. Фундаментальное положение в рассуждениях Д. С. Мережковского, как это не трудно заметить, остается прежним. Оно в противопоставлении «Толстого как художника / Толстого как мыслителя». Однако актуализируется оно в контексте современных исторических событий, с учетом того революционного вектора, в который оказалась втянутой Россия. И только это обстоятельство поменяло расстановку акцентов в размышлениях Д. С. Мережковского о противоречиях великого русского писателя. Теперь они видятся в его непонимании того, что через победу над отрицанием, легче выйти на путь к побеждающему утверждению, и что язычество стоит рассматривать как путь к христианству, а «богоборчество как путь к Богосыновству»¹⁷. В этих заблуждениях Толстого, по мнению Д. С. Мережковского, коренится его отрицание европейской культуры в целом. Тем самым он отдаляется от цивилизации, и уже вследствие этого не признает и русскую революцию. При этом для Д. С. Мережковского главным оказывается религиозное начало в революции. В ней он видит движение «от власти человеческой к власти Божьей». Таким образом, вектор его размышлений о Толстом по существу не меняется, меняется современный политический контекст, из которого не может выпасть размышляющий философ. Д. С. Мережковский недвусмысленно утверждает, что «праздник Толстого — праздник русской революции»¹⁸.

В «Революции и религии» (1910), он настаивает на том, что спасение России следует искать в «религиозной общественности», которая могла бы объединить интеллигенцию, церковь и народ. Мотивы ухода Толстого от православия видятся в его отрицании государства и Церкви. Но в самой логике, в природе этого отрицания и усматриваются его противоречия. «Для него «Царство Божие» — только «внутри нас», а «дело спасения — дело исключительно внутреннее, личное, безобщественное»¹⁹. И только с учетом этого обстоятельства

16 Там же.

17 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *V tichom omute: Stat'i i issledovanija raznych let*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991, s. 143–144.

18 Там же.

19 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *Revoljucija i religija. L. N. Tolstoj: pro et contra*. Sankt-Peterburg: RCHGI, 2000, s. 401.

следует оценивать восклицания Д. С. Мережковского: «Толстой, как ни странно сказать, церковнее, чем сама Церковь, православнее, чем само православие»²⁰. Однако принципиальным в оценке Мережковским противоречий русского писателя, является другое его утверждение: «Толстой — анархист, но не революционер»²¹. За этим, видимо, следует понимать отрицание, которое не превращается в нем в прямую созидательную энергию («то, что надо разрушить, разрушает; но того, что надо создать, не создает»²²). Критик сравнивает его со «слепым титаном, который роется в подземной тьме и сам не видит, какие глыбы сворачивает, какие землетрясения мог бы родить, если бы знал, куда нужно рыться»²³.

После революции 1917 года, когда Д. С. Мережковский оказался в эмиграции, в центре его внимания проблема «Толстой и большевики», поставленная, в сущности, еще В. И. Лениным. Актуальной для Д. С. Мережковского она становится только тогда, когда большевики пришли к власти. В 1922 году он пишет статью «Толстой и большевизм». Противоречия русского писателя теперь освещаются через призму этого вопроса. С одной стороны Толстой, конечно, не может в полной мере быть отнесенным к большевикам, поскольку отвергает насилие. Большевики насилия не отрицают, насилие входит в их программу и политическую повестку дня («Толстой не с большевиками в этике, потому что у него «непротивление злу», отрицание насилия абсолютное, а большевики — абсолютные насильники»²⁴). Сам Д. С. Мережковский оказался жертвой этого насилия. Однако он усматривает сходство в общем стремлении Толстого и большевиков «уничтожить культуру» и «волю к безличности»²⁵. Последнее явно актуализирует вектор рассуждений о Л. Н. Толстом, заданный еще самыми ранними работами Д. С. Мережковского. Он, несомненно, остается верным неким тезисам о русском писателе, выдвинутым им еще в молодости и сохраняющим для него значение на протяжении всей жизни. Но меняется (и стремительно!) историко-политический контекст, в котором живет и размышляет Д. С. Мережковский. Именно этот контекст и определяет новые оттенки в его рассуждениях, его оценках духовного наследия русского писателя, но не

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *Revoljucija i religija. L. N. Tolstoj: pro et contra*. Sankt-Peterburg: RCHGI, 2000, s. 402.

24 MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *Lev Tolstoj i bol'shevizm*. In: MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *Carstvo Antichrista. Stat'i perioda emigracii*. Sankt-Peterburg: RCHGI, 2001, s. 145–147.

25 Там же.

меняет понимания им самой природы этого грандиозного явления русской культуры — *Льва Николаевича Толстого*.

На всех этапах своих размышлений о нем (будь то эпоха отлучения Толстого от церкви, эпоха первой русской революции, эпоха прихода большевизма к власти) в центре внимания Д. С. Мережковского остается неизменным вопрос о природе внутренних противоречий Л. Н. Толстого, которая лишь раскрывается на разном историческом фоне. На всех этапах для него сохраняет актуальность противопоставление Толстого-художника и Толстого-мыслителя.

Об авторе

Sergey Vasendin, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Humanities Institute in Severodvinsk branch, Faculty of Philology, Department of Literature and Russian Language, Severodvinsk, Russia, timservas@rambler.ru

